

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ VS РЕЧЕВОЙ АКТ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В статье рассматриваются основные трактовки понятий «коммуникативный акт» и «речевой акт», предложенные лингвистами, и выявляется специфика их соотношения. Установлено, что некоторые ученые стремятся полностью отказаться от термина «речевой акт», заменив его более узким или более широким определением, однако большинство исследователей придерживаются мнения, что речевой акт является частью коммуникативного акта.

Ключевые слова: коммуникация, дискурс, коммуникативный акт, речевой акт.

E.R. Faizullina,
Ufa University of Science and Technology

COMMUNICATIVE ACT VS SPEECH ACT: RELATIONSHIP OF CONCEPTS

The article examines the main interpretations of the concepts of “communicative act” and “speech act” proposed by linguists and identifies the specifics of their relationship. It has been established that some scientists seek to completely abandon the term “speech act”, replacing it with a narrower or broader definition, but most researchers are of the opinion that the speech act is part of the communicative act.

Keywords: communication, discourse, communicative act, speech act.

Согласно определению Н.Д. Арутюновой, речевой акт – «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения» [1, с. 412]. Единого же определения коммуникативного акта на данный момент не существует, однако лингвисты подчеркивают, что в основе коммуникативного акта обязательно лежит «диалогическое единство» [2, с. 104] – единство реплик-стимулов и реплик-реакций.

В настоящее время понятие «речевой акт», ставшее классическим в коммуникативистике, активно подвергается переосмыслению, что связано с его ограни-

ченным статусом как «минимальной единицы общения» [3]. Некоторые ученые пытались отказаться от этого понятия, заменив его более содержательным: например, У. Эдмондсон предложил термин «интеракционный акт» [4], под которым понимается минимальная единица коммуникации, не всегда служащая для достижения коммуникативных целей. При этом исследователь полагал, что интеракционный акт включает в себя и речевое, и неречевое поведение; можно резюмировать, что У. Эдмондсон, как и многие другие ученые, стремился преодолеть ограничивающие рамки термина «речевой акт». В связи с пересмотром указанного понятия встает вопрос о соотношении речевого и коммуникативного акта, так как ранее соответствующие термины использовались в качестве синонимичных. Например, в работе И.С. Куликовой находим следующую формулировку: «Коммуникативным (речевым) актом называют элементарную единицу языкового общения, высказывание, адресованное говорящим одному или нескольким собеседникам и обязательно имеющее целевую установку» [5, с. 9]. Учитывая, что термин «речевой акт» осознается научным сообществом как устаревший, перед исследователями встает и другой вопрос: не является ли термин «коммуникативный акт», обычно понимаемый в более широком смысле, чем речевой акт, удачной заменой устаревшему определению? В рамках данной статьи предпринимается попытка дать ответы на эти вопросы.

Как было отмечено выше, проблема соотношения понятий «коммуникативный акт» и «речевой акт» ранее уже была поставлена исследователями. Л.С. Гуревич констатирует: «Термины “коммуникативный акт” и “речевой акт” часто используются как взаимозаменяемые. В действительности же они обнаруживают ряд специфических черт, не позволяющих использовать их как аналоги» [6, с. 103]. Различие этих терминов особенно значимо в контексте проблемы коммуникации, учитывая важность паралингвистических факторов. Л.С. Гуревич выделяет также лингвокультурологический и социальный аспекты коммуникативного акта, выступающие его отличительной чертой в сравнении с речевым актом: «<...> осуществляя коммуникацию, говорящий предстает как социокультурная личность с особенностями своего мировосприятия и ценностных ориентиров» [6, с. 105–106]. М.Л. Макаров в монографии «Основы теории дискурса» тоже подчеркивает, что коммуникативный акт «далеко не всегда совпадает с речевым актом: иногда он реализуется с помощью последовательности речевых актов, сложного макроакта» [7, с. 182]. Однако М.Л. Макаров выстраивает свою гипотезу не на лингвокультурологической базе: понятие «макроакт» берет свое начало в работах Ю. Хабермаса и Т. ван Дейка.

Выше было сказано о том, что проблема соотношения понятий «коммуникативный акт» и «речевой акт» является дискуссионной, поэтому взгляды учёных на этот счёт различаются. Например, Е.А. Красина, пытаясь определить соотношение двух названных понятий, опирается на схему четырех полей К. Бюллера и заключает, что «речевой акт можно охарактеризовать как особую разновидность коммуникативного акта: это иллокутивный коммуникативный акт» [8, с. 18]. Согласно мнению ученого, коммуникативный акт в данном ряду является самым широким, обобщающим понятием и соотносится с речевым и иллокутивным актами как целое и его части: «коммуникативный акт оказывается общей базой для выявления связей между всеми прочими актами» [8, с. 17].

Анализ исследовательских трудов показывает, что наиболее сложным является определение термина «коммуникативный акт». На наш взгляд, самой точной будет широкая дефиниция, предложенная И.В. Варфоломеевой и К.В. Кулёминой: «В современной лингвистике термин “коммуникативный акт” понимается довольно широко: от обмена текстами, произнесенными устно или представленными в письменной форме в принятой языковой системе, до ролевой ситуации, в которой роли регламентированы социальной и национально-культурной средой, регулирующей с помощью языковых и неязыковых стереотипов иерархию мотивов и личностных смыслов коммуникантов» [9, с. 26]. Вероятно, размытость смысловых границ рассматриваемого термина объясняется множественностью мнений ученых по этому вопросу, однако она, в свою очередь, обусловлена не дискуссионностью проблемы, а научным трендом: представители современной коммуникативистики активно стремятся осмыслить и переосмыслить термин «коммуникативный акт», предлагая множество его интерпретаций. Становится всё более очевидной и другая тенденция в коммуникативистике: заменить узкий термин «речевой акт» более широким и содержательным. Например, И.В. Варфоломеева и К.В. Кулёмина полагают, что не речевой, а именно «коммуникативный акт является основной единицей коммуникации, функционально цельным ее фрагментом» [9, с. 27]. А.А. Гаркуша вообще исключает понятие «речевой акт» из процесса коммуникации: «Коммуникативный акт – это процесс общения и обмен репликами, который в свою очередь подразделяется на коммуникативные ходы, то есть функционально-структурную единицу общения, а ходы состоят из коммуникативных шагов, которые представляют собой минимальную единицу общения» [10]. Однако независимо от разнообразия определений коммуникативного акта и наличия любых научных тенденций на практике полный отказ от понятия «речевой акт» оказывается невозможным. Очевидно, что термины «речевой акт» и «коммуникативный акт» не могут выступать в качестве синонимов, но ре-

речевой акт может и должен рассматриваться в качестве части коммуникативного акта, определенного звена его цепи. Нам кажется наиболее убедительной точка зрения А.И. Бочкарёва: «Другим важным моментом является разграничение понятий коммуникативный акт и речевой акт. Данная проблема решается довольно просто: речевой акт является составляющей коммуникативного акта» [11, с. 128].

Подведём итог. Проведённый обзор показывает, что проблема соотношения терминов «речевой акт» и «коммуникативный акт» по сей день остается дискуссионной. Это обусловлено осознанием того, что термин «речевой акт» имеет жесткие границы и больше не может использоваться в качестве синонима термина «коммуникативный акт». Ряд ученых стремится полностью отказаться от термина «речевой акт», заменив его более узким (У. Эдмондсон) или более широким (А.А. Гаркуша) определением, однако большинство исследователей придерживаются мнения, что речевой акт является частью коммуникативного акта (А.И. Бочкарёв, Е.А. Красина, Л.С. Гуревич, М.Л. Макаров). Как нам видится, именно такой взгляд на решение проблемы соотношения понятий «речевой акт» и «коммуникативный акт» позволяет добиться полноценного изучения процесса коммуникации.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
3. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 363–373.
4. Edmondson W. Spoken Discourse: A Model for Analysis. London: Longman, 1981. 217 p.
5. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в языкознание: в 2 ч. М.: Юрайт, 2017. Ч. 2. 339 с.
6. Гуревич Л.С. Коммуникативный акт vs речевой акт: проблемы соотношения понятий // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 1. С. 103–108.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

8. Красина Е.А. Коммуникативный акт, речевой акт, иллокутивный акт и схема четырех полей Карла Бюлера // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2006. № 8. С. 17–22.
9. Варфоломеева И.В., Кулёмина К.В. Коммуникативный акт и его структура: дискурс // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2 (2). С. 26–27.
10. Гаркуша А.А. К вопросу о детальной структуре диалога // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 4 (4). URL: <https://research-journal.org/archive/5-4-2012-september/k-voprosu-o-detajnoj-strukture-dialo>.
11. Бочкарёв А.И. Функционально-прагматические характеристики гетерогенных компонентов коммуникативного акта // Учёные записки Казанского университета. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 128–140.